

Подводная лодка в Разливе

Леонид Амирханов
Фотографии автора

Храм святых апостолов Петра и Павла подводного флота в Сестрорецке стоит очень удачно: его хорошо видно и из центра города, и с Зеленогорского шоссе. Особенно красиво подсвеченная огнями церковь выглядит в вечернее время. Рядом воздвигнут памятник морякам-подводникам — стена памяти и звонница. На плитах выбиты названия подводных лодок, погибших с 1904 г., с указанием фамилий командиров, а в некоторых случаях — причины и место гибели.

Здесь, на самом на берегу Разлива, располагается макет «потаенного» судна и внушительный камень с памятной табличкой. Надпись рядом с рисунком на ней гласит: «Испытание потаенного судна Ефима Никонова в присутствии Петра I. 1721 г.». Авторы памятника утверждают, что именно в Сестрорецке проходили испытания этого «потаенного» судна, что делает этот город ни много ни мало родиной российского подводного флота. Мнение более чем спорное. В литературе, посвященной истории судостроения, четко указывалось, что Никонов строил

Реконструкция «потаенного» судна из книги В. А. Дыгало «Откуда и что на флоте пошло»

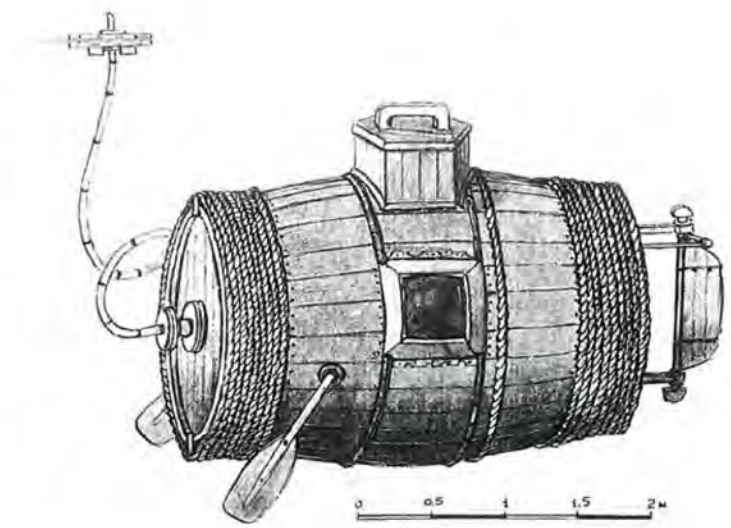
свое детище в Санкт-Петербурге на Галерном дворе. Так зачем тащить его в Сестрорецк? В Петербурге воды мало?

Первым о Никонове и его изобретении написал И.А. Быховский в книге «Рассказы о русских кораблестроителях». «Однако испытание «потаенного» судна не состоялось ни в 1721 г., ни в 1722 г., ни в 1723 г. О причинах, вызвавших такую длительную отсрочку, можно лишь догадываться. Вполне вероятно, что длительные пышные торжества по случаю окончания многолетней Северной войны со Швецией и заключения Ништадтского мирного договора временно отвлекли внимание Петра I от ряда военных мероприятий и в том числе от испытания «потаенного» судна». Эта цитата интересна тем, что показывает удивительные подчас трактовки простых событий. Петр, получается, три года отмечал Ништадтский мир? Любил царь праздники, но три года «отвлекаться от военных мероприятий» — это чересчур! А объясняется все, видимо, очень просто: не готово было «потаенное» судно к испытаниям.

Любопытно, что в разных изданиях история строительства подана по-разному в зависимости от воображения авторов. Особо нужно отметить публикацию в журнале «Судостроение» № 1 за 2012 г. Е.Е. Колосов подробно описывает конструкцию судна, но такая подробность вызывает, прежде всего, недоумение. Можно подумать, что автор находился рядом с Никоновым и записывал в блокнотик все его действия.

«Шпангоуты высотой 150 мм собирались по лекалу в два ряда (слоя) из выстроганных по обводу досок стыками вразгонку. Ряды досок соединялись между собой болтами и нагелями, суммарная толщина двух рядов была равна толщине шпангоута — 100 мм. Стыки досок и брусков соединялись в замок. Для шпангоута «модели» длина футокса, выстроганного из доски шириной 225 мм, составляла около 650 мм». Здесь и в некоторых других изданиях «потаенное» судно называется моделью.

По-разному описываются и испытания. Так, уже упоминаемый И.А. Быховский пишет, что проходили они ночью при свете факелов. А в Интернете фигурирует версия об испытании во время пышного карнавала. И то и другое якобы было вызвано желанием царя

уберечь новое судно от зорких глаз шпионов. Разумеется, есть и немало забавных рисунков, слабо похожих на реальность.

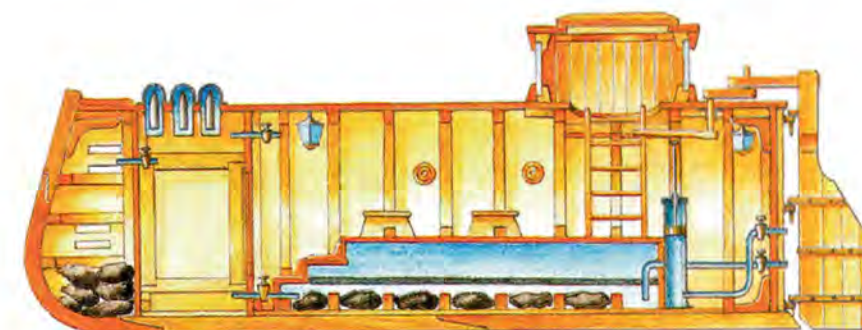
Но главным источником для разного рода исторических изысканий являются Российский государственный архив военно-морского флота (РГАВМФ) и 17 томов «Материалов для истории русского флота» (МИРФ). На основе документов, в том числе РГАВМФ и «Материалов...», в 2002 г. группа сотрудников фирмы «Рубин» подготовила книгу «Санкт-Петербург — родина подводных сил России». Читаем: «В 1724 г. на Галерном дворе, в присутствии Его Величества Петра I, модель была опробована «опусканием в воду, и при спуске того судна повредилось дно, и затем не действовало и вынато на берег и в нынешнем году пробовано ж трижды, и в воду опускали, но только не действовало за течью воды».

Никонов предполагал, что сможет построить и натурный образец подводного судна, ибо модель, по его объяснению, предназначалась «только для пробы, как дух переводить» и «можно в нем быть в воде человеку два или три дня, а действовать и ходить под корабль не можно, понеже оно сделано только для пробы».

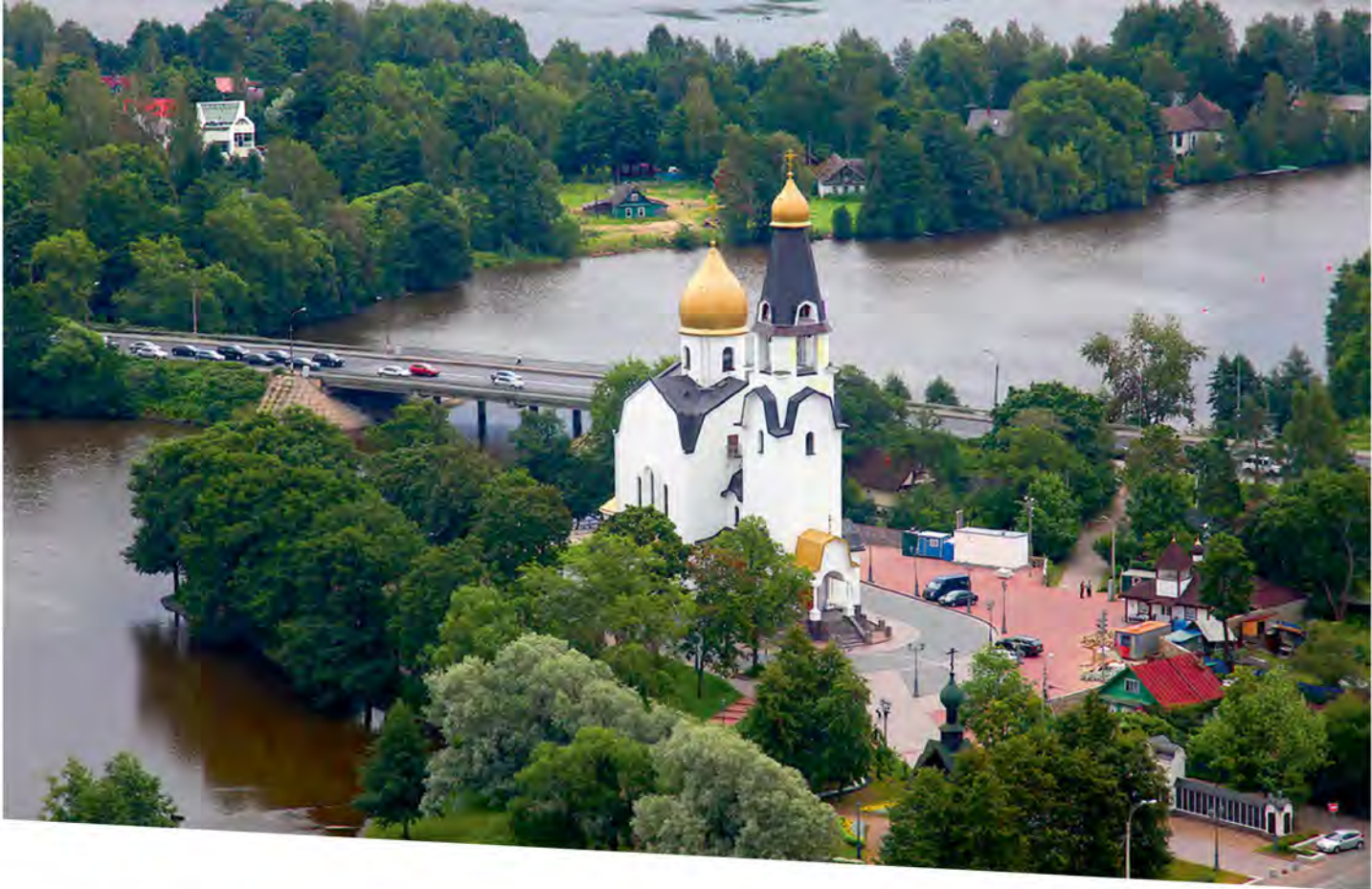
Неудачи продолжали преследовать Никонова, особенно после смерти его высокого покровителя. В 1728 г. терпение Адмиралтейств-коллегии лопнуло, и она решила прекратить работы, ибо «через десять лет не только такого судна, ниже модели к тому делу действительно сделать мог... но она по пробам являлась весьма не действительна».

Значит, «потаенное» судно существовало только в виде модели, которая испытание погружением не выдержала. Итогом стала отправка Никонова в Астрахань.

Как же выглядело это судно? Разумеется, ни описаний, ни чертежей не было. В книге В. А. Дыгало «Откуда и что на флоте пошло» приведена реконструкция, сделанная автором совместно с М. Аверьяновым. Основанием к этому послужила сама профессия Никонова и участие его коллег — бочаров — в строительстве модели.

Реконструкция «потаенного» судна. Из книги «Адмиралтейские верфи»

Однако есть и другая версия. В 1994 г. вышел двухтомник «Адмиралтейские верфи», подготовленный издательством «Гангут», в котором тогда работали весьма компетентные люди. Один из них, С. Д. Климовский, уже многие годы является ученым секретарем Центрального военно-морского музея. В этой книге указано следующее: «Проект Никонова получил одобрение Петра, и в 1720 г. на Галерном дворе “потопленное судно” было заложено. Корпус его выполнили из дерева и обшили кожей. В 1724 г. “потопленное судно” в присутствии Петра I спустили на воду, однако при погружении оно получило повреждение». И в книге приводится рисунок, который хранится в музее «Адмиралтейских верфей»

и разительно отличается от варианта Дыгало и Аверьянова. Но этому рисунку в общих чертах соответствует тот, что приводит Колосов в журнале «Судостроение».

Таким образом, очевидно, что строительство «потопленного» судна Ефима Никонова проходило в Петербурге на Галерном дворе. Именно здесь! Ныне это территория Адмиралтейских верфей, а испытание — в Галерной гавани — это совсем рядом.

Так каким же образом оно оказалось в Сестрорецке?

Не хочется думать, что нужен был повод построить и церковь, и мемориал подводников. Скорее всего, это так называемый синдром малых народностей. Маловато славы у Сестрорецка! Маловато оружейного завода, заповедной рощи, знаменитого курорта. Хочется еще чего-то «первого», «самого первого»...

Замечательно, что есть в Сестрорецке такая церковь и такой мемориал, где можно почтить память погибших подводников. Ведь все они герои. Даже тот, кто хоть раз выходил в море на подводной лодке, — герой. Потому что просто находиться в этом замкнутом пространстве может только очень сильный человек, не говоря уже о тяжелой работе, которую надо выполнять. Смущает меня в этом только одно: в основу очень хорошего дела лег ложный посыл, а на лжи можно воспитать только лжецов.

Не было в Сестрорецке ни Никонова, ни его «потопленного» судна. Не было! А уж доска на камне, изображающая испытание судна, — это вообще нечто удивительное. Мало того, что год указан неправильно, так на заднем плане еще изображена церковь, которая была построена в Сестрорецке спустя без малого 150 лет.

Что с этим делать, я не знаю. Убрать бы эту «бочку» и не позориться. Но вряд ли на это пойдут.

Миниари 29 (№ 647). Читано из конторы адмиралтейской выписки потопенных судовъ о мастерѣ Ефимѣ Никоновѣ, который поданнымъ своимъ въ прошломъ 718 году блаженнаго и ꙗкоже достойнаго памяти Е. И. В. прошеніемъ объявилъ что сдѣлалъ такое судно: когда на морѣ будетъ тишина и онымъ судномъ будетъ ходить въ водѣ потаенно и будетъ разбивать корабли, а по подачѣ того своего прошенія чрезъ десять лѣтъ не токмо такого судна, ниже модели къ тому дѣлу дѣйствительно сдѣлать морѣ, которое хотѣи строилъ и адмиралтейскихъ припасовъ и адмиралтейскими служителями и на строеніе тѣхъ судовъ употреблена изъ адмиралтейскихъ доходовъ не малая сумма, но оная по пробѣмъ явилася весьма не дѣйствительна, того ради его Никонова за тѣ его не дѣйствительнаго строенія и за задержку не малой на то суммы опредѣлать въ адмиралтейскіе работники и для того отправить его въ астраханское адмиралтейство съ прочими отправляющимся туда морскими и адмиралтейскими служителями подъ караулъ, которому денежное и хлѣбное жалованье и мундиръ давать противъ прочныхъ адмиралтейскихъ работниковъ съ вышеписаннаго числа, а для пропитанія въ пути выдать ему при С. Петербургѣ денежное и хлѣбное жалованье противъ здѣшнихъ адмиралтейскихъ работниковъ мая по 1 число сего 728 года года.

*Протокол заседания Адмиралтейств-коллегии от 29 января 1728 г.
Из книги «Материал по истории русского флота» (Ч. 5. С. 591–592)*